

5541
Р. С. Ф. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Л. Т Р О Ц К И Й

**ПЕРСПЕКТИВЫ
И ЗАДАЧИ
ВОЕННОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА**

**ВЫСШИЙ
ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ
С О В Е Т
М О С К В А
1 9 2 3**

Оп. А. В.

Высший Военный Редакционный Совет.

(Москва, Смоленский бульв., 53).

Поступили в продажу:	Печатаются:
<p>Х. РАКОВСКИЙ. Грядущая революция 40 стр. Путевые заметки по дороге на Лозаннскую конференцию. Популярное изложение современной международной обстановки, тающей в своих особенностях на ряду с причинами новых войн и зачатки грядущих революционных потрясений.</p>	<p>Э. ЛЮДЕНДОРФ. Мемуары. Т. I и II. Под редакц. А. Свечина. Автор—крупнейший деятель германского генерального штаба. Талантливо рисует картины величия и падения германской армии в мировой войне.</p>
<p>А. ЛОЗОВСКИЙ. Против новой войны 20 стр. Живо излагает решения рабочей конференции во Франкфурте. Вопрос об едином фронте, рабочем правительстве, комитетах действия и вопрос практической антивоенной и антифашистской работы отражены в живой и популярной форме.</p>	<p>А. А. ПОЛИВАНОВ. Мемуары. Под ред. А. М. Сайончковского с предислов. Мих. Павловича. Воспоминания автора охватывают период его деятельности в должности военного министра в царской армии.</p>
<p>Вл. САРАБЬЯНОВ. Об антирелигиозной пропаганде. 90 стр. На ряду с методическими советами по ведению антирелигиозной пропаганды книга дает ценный конкретный материал.</p>	<p>ЛУКИН-АНТОНОВ. Из истории революционных войн. Это один из наших серьезных марксистских трудов, охватывающий историю революционных войн, главным образом связанных с историей Англии. Автор в своем исследовании доходит до Наполеоновского периода.</p>
<p>ПЕЧАТАЕТСЯ. С. БАСОВ ВЕРХОЯНЦЕВ. „Рассей“. Иллюстрации. Подготавливаемая к печати сатира популярного автора „Конька-Снакуна“ и других сатирических вещей содержит в себе полную историю России от призвания варягов до наших дней.</p>	<p>В. НЬЮБОЛЬД. Как Европа вооружалась к войне. 1871—1914. Один из активнейших вождей британской коммунистической партии т. Ньюбольд одновременно является автором интересно написанной книги о развитии военной промышленности в Европе.</p>

Заказы адресовать в Высший Военный Редакционный Совет.

При покупке не менее 10 экз. скидка 20%, при покупке не менее 50 экз. воинскими частями и учрежд., распол. вне Москвы, скид. 30%.

ЕМ 171
П 223

Р. С. Ф. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

Л. Т Р О Ц К И Й

**ПЕРСПЕКТИВЫ
И ЗАДАЧИ
ВОЕННОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА**

**В Ы С Ш И Й
В О Е Н Н Ы Й
РЕДАКЦИОННЫЙ
С О В Е Т
М О С К В А
1 9 2 3**

ЕН171

П223

~~40~~
12/76

(40%)
8X 370 с. 1.
1062249 76.

В. В. Р. С. № 793.

Главлит № 9480.

Тираж 10.000 экз.

Типогр. „Красная Печать“.

Мосполиграф.

656
25

I.

Армия и хозяйство.

Область военного строительства всегда была областью плановой работы: здесь и буржуазные государства не допускали ни «конкуренции», ни частной инициативы, — во всяком случае, «частная инициатива» рабочих, направленная на то, чтобы вооружаться для защиты своих классовых интересов, всегда беспощадно подавлялась и подавляется буржуазным государством. Армии везде имеют строго централизованный характер. Численность армий всегда определяется наперед не только в целом, но и по родам оружия. Вся внутренняя структура армии прорабатывается в порядке законопроекта, то-есть предварительного организационного и хозяйственного чертежа. Все виды вооружения нормализованы и закреплены в законодательном порядке. Это несколько не мешает, как известно, инициативе и творчеству изобретателей, которые как раз в военном деле, особенно во время войны, работают с наибольшим напряжением. Централистическая, плановая, насквозь умышленная, насквозь продуманная, рационализованная, нормализованная организация самой же буржуазной армии всегда была величайшей силой аргументом против буржуазной философии об едино-спасающей силе частного почина, рыночного соревнования и проч.

Второй особенностью армии искони была «тейлоризация» движений, приемов, отношений, то-есть тщательная детальная проработка всех частных элементов действия с целью получения наивысшего эффекта. Бессмысленная шагистика нисколько не противоречит этому: во-первых, потому, что она была, в своем роде, тейлористским методом психического оболванивания; во-вторых, потому, что всякий метод и прием при известных условиях доводятся до абсурда и превращаются в свое отрицание.

Только одна еще область государственной деятельности приближается к военному делу, по своему централизованно-плановому характеру: это железнодорожное хозяйство. И там не допускается «конкуренция» двух поездов на одних и тех же рельсах, ни даже (за редчайшим исключением) конкуренция двух параллельно проложенных линий. Однако, в железнодорожном деле все еще имеет широкое применение частная «инициатива», т.-е. частная собственность, хотя и введенная в пределы общегосударственного плана. Настоящее плановое железнодорожное хозяйство мыслимо только на основах социалистического государства.

В чисто-промышленной области плановое начало ограничивается в капиталистических странах пределами отдельного предприятия или связанной воедино группы предприятий (трест, синдикат), но уже отношения треста к тресту определяются законами рыночной борьбы. Плановая регламентация более широкого масштаба и принудительного характера применялась в промышленной и торговой области только во время войны, когда требовалось соподчинение всего хозяйства потребностям *колоссальной действующей армии.*

Положение советского государства в отношении хозяйства глубоко отлично. Рабочий класс получил в свои руки не только все железные дороги, но и все важ-

нейшие средства промышленности. Отсюда плановое начало в области промышленности и торговли имеет у нас даже и теперь, при нэпе, несравненно более широкое, всеобъемлющее применение, чем в капиталистических странах. Новая экономическая политика допускает конкуренцию между государственными предприятиями на основе рыночных отношений, но не как спасительный общий закон, а лишь в тех пределах, в каких государство еще неспособно путем планового предвидения и согласования разрешить соответственную задачу регулировки. Расширение рынка означает у нас не то, что плановое начало должно сокращаться, а лишь то, что плановое начало, исходящее от рабочего государства, должно оперировать с возрастающей массой материальных благ и ценностей. Широкий исторический успех нашего строительства будет измеряться тем, что плановое начало—чем дальше, тем больше—будет развиваться за счет рыночного. Упрочивающееся государственное регулирование должно, в конце концов,—не завтра, не послезавтра еще, а через долгий ряд лет—привести к централизованному управлению хозяйством, как единым целым. Разумеется, и при развернутом социализме обширные сферы хозяйства будут предоставлены инициативе мест. Но самое это разделение компетенций будет не продуктом традиции, а составным элементом продуманного и рассчитанного плана.

Выше уже сказано, что армия буржуазного государства имеет в себе все те черты, которые буржуазное мышление ставит в вину социалистической системе хозяйства: в армии все предопределено законами, положениями, уставами, штатами и табелями, вплоть до числа пуговиц на солдатском белье. Как же обстоит дело с плановым началом в Красной армии? Здесь *Советская республика чрезвычайно отстала от буржуазных государств*. И не мудрено: мы начали строить армию почти

что из ничего, если не считать доставшейся нам от старого режима материальной части и рассеянных в населении военных навыков. Первоначальный рост нашей армии был полной противоположностью плановому началу. На фронтах импровизировались заново целые дивизии, исполкомы строили по собственному усмотрению отряды, полки, маршевые роты, эскадроны и проч. Аппараты управления и снабжения слагались «по мере надобности» и в структуре своей обнаруживали все виды организационной фантазии, не дисциплинированной не только тейлоризмом, но и более элементарными данными опыта. Все с начала до конца было делом коллективной импровизации. Если бы у рабочего класса не хватило на эту импровизацию инициативы и энергии, революция погибла бы. Но это вовсе не значит, что импровизация остается навсегда или надолго единственным или даже основным методом победоносной революции. Наоборот, *социалистическая революция погибла бы, если бы попыталась канонизировать импровизацию, как метод строительства.*

В декабре 1920 г. открылась эпоха широкой демобилизации и сокращения численности армии, сжатия и перестройки всего ее аппарата. Этот период длился с января 1921 г. до января 1923 г. Армия и флот сократились за это время с 5.300.000 до 610.000 душ. Сокращение совершалось отдельными довольно случайными этапами под действием толчков, исходивших, главным образом, из нашего хозяйственного положения. Можно сказать, что армия сокращалась в порядке таких же импровизаций, как и строилась. Конечно, до известной степени это было неизбежно. Невозможно было сразу предопределить минимальные размеры необходимой нам армии и календарную программу ее сокращения, так как вся обстановка—и внутренняя и международная—продолжала определяться, и притом в своих наиболее для

нас важных очертаниях, как раз в течение нашей работы по сокращению армии. Тем не менее, нельзя не отметить, что в этой области были совершены явные ошибки. Предвидения иногда не оказывалось и в тех случаях, где оно могло быть. По существу, случайные сокращения усугубляли неустойчивость демобилизуемой армии и, хотя и проводились во имя экономии, порождали в результате, наоборот, излишние материальные расходы. К марту месяцу 1923 г. армия, вместе с флотом, вошла в установленные для нее пределы. За это время проделана была большая работа по организационному и материальному упорядочению армии, то-есть, прежде всего, по установлению необходимого соответствия между человеческим составом, техникой и аппаратом управления. Но уже предшествующая история Красной армии—как ее роста, так и ее сокращения—дает право и непосвященному сделать тот вывод, что в структуре армии должно еще иметься немало пережитков, т.-е. критически непродуманного и непроработанного наследия эпохи импровизации, работы на-спех и на-глаз. Не только в области техники, но и в области систематизации нашего собственного опыта или упорядочения организационных форм армии мы чрезвычайно отстали от капиталистических государств. Их работа в этой области имеет гораздо более законченный плановый характер. Нам надо еще дьявольски много работать, чтобы уравниваться с ними:

II.

Наши преимущества и наша отсталость.

Это не значит, однако, будто все преимущества на стороне буржуазных армий. Без всякого самообольщения мы можем сказать, что это не так. Армия ведь не только техника и не только организационная форма, но, прежде всего, моральная коллективность. Уставы, штаты, приказы—все это регулирует человеческие отношения только на одну треть, если не на одну десятую: формальные элементы дисциплины и подчиненности могут держаться только на основе психической связи, спайки, чувства товарищества и веры в правоту своего дела. В этой области наш перевес несомненен; огромный масштаб этого перевеса, может быть, не всем еще ясен среди нас самих. Прошлые революционные войны мы вели в условиях продрозверстки и ужасающего голода в городах. Крестьянство нередко колебалось между поддержкой Советской власти против белых и мятежом против нее. Население городов корчилось в муках голода. Интеллигенция в большинстве своем саботировала революцию. В командном составе армии измена не являлась редкостью. Как раз за последние полтора—два года во всех этих областях достигнуты серьезные успехи. В глазах самых широких крестьянских масс новый режим определился как тот государственный строй, который может

делают ошибки и даже учинять несправедливости, но который в основе своей есть единственно возможный отныне режим сотрудничества рабочих и крестьян. Коммунистическая партия стала в глазах всего населения стержнем нового режима. Интеллигенция, в большинстве своем, или, по крайней мере, в своей жизнеспособной части, радикально переменяла ориентировку — в сторону Советской власти. Даже в церкви произошла смена вех в смысле приспособления к новому строю, с которым приходится считаться, как с существующим фактом на «многая, многая лета». Тем временем у нас вырос и продолжает расти новый командный состав, неразрывно связанный с толщами рабочего и крестьянского населения. Нигде в мире нет и, до революции, не может быть такой монолитной, по настроениям своим, армии, как у нас. Нигде в мире нет и не может быть такой связи между армией и страной, как у нас. Нигде в мире невозможен сейчас переход на милиционную систему. А мы к ней приступили. И если переход этот мы совершаем с постепенностью, то не из политических опасений, а по соображениям организационно-технического порядка: дело новое—важности неизмеримой—и мы не хотим приступать ко второму шагу, не обеспечивши первого.

Для оценки нашего морально-политического перевеса достаточно сравнить реакцию на вызов Керзона в Англии и у нас. Там шаг Керзона породил не только протест парламентской оппозиции, но, что неизмеримо важнее, и глубокое возмущение рабочих масс. Поведение советской дипломатии в этом же вопросе встречает, наоборот, единодушную, безраздельную поддержку всей страны. И это не показное, не «казенное» единодушие, как повторяют иные «демократические» кретины эмиграции, нет, это неоспоримое, неотъемлемое капитальное завоевание революции, и на этом моральном капитале

мы будем строить все, в том числе и Красную армию. В случае новой навязанной нам войны, наш морально-политический перевес обещает обнаружиться с величайшей выгодой для Союза Советских Республик.

Это наше основное, обеспеченное социальным переворотом, преимущество дает нам право не только с уверенностью думать о завтрашнем дне, но и безбоязненно вскрывать нашу сегодняшнюю организационную, техническую и всякую иную отсталость. А она еще очень велика. Технический уровень армии отражает общехозяйственный уровень страны и, непосредственно, состояние промышленности. Здесь, в области промышленности, завязан сейчас основной узел существования и дальнейшего развития Советских республик, и, прежде всего, — их обороны.

Что такое армия в 600 тысяч человек — при наших пространствах и нашем населении? Это, прежде всего, кадры армии военного времени; отчасти — стратегическое прикрытие, отчасти — возможный ударный авангард, но, главным образом и прежде всего, — кадры будущей армии военного времени. Качество кадров имеет, разумеется, величайшее значение для боеспособности будущей армии военного времени. Но кадры — только одно из условий. Нужна, кроме того, правильная система мобилизации и комплектования, строго продуманная, рассчитанная и организационно-подготовленная — в зависимости от всех особенностей советского союза и от возможных направления неприятельских ударов. Нужна, далее, правильная система боевого и всякого иного снабжения армии в течение всего срока операций, какой понадобится для победы. Таковы три основные элемента, — не считая политической работы, — которые обусловят работу Красной армии в будущей войне.

Совершенно очевидно, что труднее всего для нас дело обстоит с техникой — в ее нынешних крайне сложных и

все усложняющихся формах. Мы бедны авиацией, мы бедны химическим оружием, мы бедны броневыми силами, мы бедны артиллерией, мы бедны инженерным имуществом, мы бедны средствами транспорта, чисто-военными и обще-государственными. Это все несомненные факты: наши враги их знают, а мы их чувствуем каждый день. Какие-нибудь чудесные скачки здесь неосуществимы. Надо равняться по хозяйству, т. е., прежде всего, по промышленности, по ее общему развитию, по ее постепенному подъему. Нужно, чтобы государственная промышленность дала армии в ближайшие месяцы и годы максимум того, что может дать. Но нельзя требовать от хозяйства непосильных жертв, то-есть таких, которые грозили бы подорвать развитие промышленности и тем в корне подкосили бы самую армию. Определить предельную границу хозяйственных жертв в пользу обороны есть одна из важнейших—пожалуй, самая важная сейчас—задач нашего обще-государственного плана. Надо, чтобы темп военного строительства, доведенный до максимума, соответствовал в то же время основному темпу хозяйственного развития страны. Сбиться в этом деле с ноги—значило бы подорвать обороноспособность страны. Разумеется, точно предугадать темп хозяйственного развития на ряд лет невозможно, но с известным, хотя бы грубым приближением его можно и должно предвидеть—с тем, чтобы в дальнейшем, на основе опыта, проверять плановую наметку и вносить в нее необходимые исправления.

III.

Плановая работа.

Здесь мы подходим вплотную к вопросу о плановой работе. Весь ближайший период советского строительства будет стоять под знаком перехода от работы на-глаз, от импровизаций, от административной партизанщины—к систематической работе по широкой плановой наметке. Это вопрос, который далеко не всеми еще продуман как следует быть. Одни обижаются: «Это про нас-то говорят, что мы работаем на-глаз да кое-как!... Другие, наоборот, склонны щеголять скептицизмом по отношению к плановой работе—«где уж, что уж»... выдавая этот скептицизм за самое последнее слово государственной трезвости и революционного реализма. Иногда одни и те же лица пользуются поочередно аргументами обоего порядка. Но если отвлечься от дешевой и пошловатого балагурства по поводу плановой работы, то от всей критики останется та мысль, что всеохватывающий, универсальный, «жесткий» (то-есть административно-осуществляемый) план нам не по силам. Как будто бы о таком плане идет или может идти речь! XII съезд коммунистической партии дал такую формулировку задач планового хозяйственного строительства, которая, отмечая приведенные выше возражения, получает принципиальное значение и для военной работы.

«В Советской России,—говорит резолюция съезда,— где главные средства промышленности и транспорта принадлежат одному владельцу—государству, активное вмешательство последнего в хозяйственную жизнь должно, по необходимости, получать плановый характер, и, в виду господствующей роли государства, как собственника и хозяина, плановое начало приобретает тем самым уже на первых порах исключительное значение.

Весь предшествующий опыт показал, однако, что план социалистического хозяйства не может быть установлен априори, теоретическим или бюрократическим путем. Действительный социалистический хозяйственный план, охватывающий все отрасли промышленности в их отношении друг к другу и взаимоотношения всей промышленности в целом с сельским хозяйством, возможен только в результате длительного подготовительного хозяйственного опыта на основах национализации, непрерывных усилий практического согласования работы разных отраслей хозяйства и правильного учета результатов».

И далее: «Необходимо решительнейшим образом отменить—в центре, как и на местах—попытки ведомств и учреждений добиваться тех или иных решений обходным путем, в порядке спешности, неотложности, импровизации, рассматривая такие попытки, как проявление хозяйственной непредусмотрительности и как вреднейшие остатки *административной партизанщины*.

Успешность работы каждого ведомства должна оцениваться в значительной степени в зависимости от того, в какой мере оно своевременно вносит свои предположения и предложения в Госплан для их всесторонней разработки и согласования. Тем более успешность работы самого Госплана должна оцениваться с точки зрения своевременного возбуждения им хозяйственных вопросов, правильного предвидения завтрашнего дня и побуж-

дения отдельных ведомств к своевременному сметному и практическому согласованию тех областей и отраслей их работы, которые требуют такого согласования.

Необходимо бороться через посредство Госплана с созданием всякого рода временных и случайных комиссий: исследующих, направляющих, проверяющих, подготавливающих и пр., которые являются величайшим злом нашей государственной работы. Необходимо обеспечить правильную работу через нормальные и постоянные органы. Только так возможно улучшение этих органов и развитие в них необходимой гибкости — путем всестороннего их приспособления к поставленной им задаче на основе непрерывного опыта».

С военным делом административная партизанщина и комиссионное кустарничество примиримы еще менее, чем со всяким другим. Правильность замысла, меткость аппарата, точность исполнения—вот основные элементы серьезной, деловой, экономной и действительной по результатам работы. Шутить с этими элементами нельзя нигде, а в военном деле—тем более.

Военный план находит свое финансовое выражение в военном бюджете.

IV.

Бюджет, техника, снабжение.

Прежде всего, нужно действительно обеспечить на сто процентов всеми видами снабжения нынешнюю кадровую армию. Этот вопрос не требует развития, — только исполнения. Параллельно с этим, но уже во второй линии, должно идти скопление мобилизационных запасов, достаточных для того, чтобы поставить под ружье гораздо более многочисленную армию военного времени. Эти две задачи не могут быть, разумеется, разрешены в течение нескольких месяцев, ни даже в пределах одного бюджетного года. Государства, гораздо более богатые, чем наше, для проведения серьезных мероприятий по усилению вооруженных сил страны прибегали не раз к установлению специального военного бюджета, рассчитанного не на год, а на пять, шесть и семь лет вперед. Тем более такой метод обязателен для нас, только теперь приступивших к систематическому и планомерному строительству армии и флота. Хозяйство страны возрождается. Есть основания рассчитывать, что этот процесс получит дальнейшее развитие и что темп его будет в ближайшие годы возрастать. Совершенно очевидно, что от возрастающего своего дохода страна может уделять возрастающую часть на нужды обороны. Можно поэтому рассчитывать, что военный бюджет наш будет в ближай-

шие годы увеличиваться в скромной, но твердой прогрессии. Эту бюджетную перспективу — с тщательным учетом действительных возможностей, допуская скорее преуменьшение, чем преувеличение ресурсов страны, — мы должны положить в основу нашего военного и военно-промышленного плана. Нужно соблюдать необходимую пропорциональность между разными отраслями военной промышленности как в отношении текущего снабжения армии, так и в отношении мобилизационных запасов. Это значит, что план текущего строительства армии и план мобилизации и развертывания армии на случай войны должны быть согласованы с планом развертывания военной промышленности, а этот последний план не может не быть составной частью общегосударственного промышленного плана в целом.

Длительный, скажем, пятилетний план развития вооруженных сил естественно распадается, в свою очередь, на ряд частных планов, по родам оружия, главным и вспомогательным. Необходимо тщательно проработать эти частные планы в рамках указанной выше бюджетной прогрессии, целесообразно распределенной между внутренними потребностями и нуждами армии и флота.

Мы упомянули о главных родах оружия и о вспомогательных. Особенностью нашего времени является, однако, то, что вспомогательные роды оружия быстро выдвигаются на первую линию. Это относится, прежде всего, к авиации и химии. Авиация не имеет самостоятельных способов истребления: она прибегает либо к динамиту, либо к пулемету, придавая им новую сферу действия. Химия же есть вполне самостоятельный род оружия: она отравляет. Мы подходим к вопросу не с гуманитарной точки зрения. Что человечнее: простреливать человека, взрывать его, зарубать, прокалывать, топить и отравлять — этот вопрос мы всецело предоставляем на размышление Лиге Наций и епископу Кентер-

БИБЛИОТЕКА
И.А.Д.

берийскому. Последняя война достаточно показала, что все ханжески-гуманитарные ограничения отпадают после первого пушечного выстрела, как шелуха. И впредь до перемены нынешнего положения вещей, то-есть впредь до крушения буржуазного господства, у Советского союза не может быть в деле обороны других правил поведения, как: око за око и газ за газ.

Первое место в наших технических заботах должна занять авиация. Эта задача облегчается тем, что авиация имеет вполне самостоятельное и притом огромное хозяйственно-культурное значение, чего нельзя, к сожалению, сказать ни о гаубицах, ни об удушливом газе. Сопрячь военную авиацию с гражданской—значит, прежде всего, согласовать программу Главвоздухфлота с программой Общества Друзей воздушного флота и Добролета. Начало тому положено. Было бы в корне неправильным пытаться втиснуть гражданскую авиацию в рамки военных типов и схем, но необходимо заранее обеспечить стык между ними, достигнув без ущерба для хозяйственных и культурных потребностей—максимальной однотипности самолетов и согласованности всей летной организации. Гражданская авиация должна стать резервом для военной. Мы не будем здесь, по вполне понятным причинам, детализировать вопрос. Общее направление предстоящих мероприятий ясно из сказанного выше. И прежде всего ясно, что оборона Советского союза находится в прямой и непосредственной зависимости от упрочения и развития государственной промышленности.

«План—прекрасное дело,—возразят иные.—в том числе и план военного и военно-промышленного строительства, рассчитанный на пять лет. Но как быть в случае, если неприятельский удар обрушится на нас до истечения этого срока? Как быть в случае внезапной войны? Не нужно ли принять заранее исключительные

1068949

С.О.
1946

меры для того, чтобы обеспечить на случай внезапного нападения минимум подготовки?» Такие и подобные рассуждения представляют собою, по существу, замаскированное отклонение плана. Существо плановой работы состоит в поддержании и развитии необходимой пропорциональности составных элементов военного дела. Совершенно очевидно, что когда бы ни обрушился на нас удар войны, мы окажемся наилучше подготовленными, если предшествующая наша работа велась по плану. Нарушить план подготовки — не только военный, но и общехозяйственный — придется, разумеется, с начала войны. Но нарушить придется один план — во имя другого. Ибо нам необходимо иметь в резерве план мобилизации промышленности всего вообще хозяйства страны на случай большой войны, а новая война, если она разразится, не сможет не быть большой войной.

V.

Красная армия и национальный вопрос.

Военное строительство наше должно отныне считаться в несравненно большей степени, чем до сих пор, с тем фактом, что страна, которую Красная армия призвана защищать, есть не страна, а целый континент, что государство наше не национальная республика, а союз национальных республик. В грохоте и огне гражданской войны этот факт мало замечался, и выводы, из него вытекающие, нередко по необходимости (а иногда и по злой воле) игнорировались и даже попирались. Ныне Советский союз с бивуачного положения переходит на более устойчивое и оседлое. Взаимоотношения независимых и автономных республик и областей в рамках союза получают более оформленное и точное выражение. Конституция советской государственности получает ясно выраженный *союзный* характер. Армия есть наиболее материальное, резко законченное и неоспоримое выражение государственности. Если бы в строении армии или в ее настроении оказалась несогласованность со строением советского государственного союза, который, в свою очередь, отражает соотношение классовых и национальных элементов населения, то такая несогласованность, а тем более противоречие имели бы самые тяжкие последствия, прежде всего, для армии, а затем и для государ-

ства. Наша армия—не великорусская армия; это армия великого союза, сердцевину которого составляет Великобритания. Пролетариат Великобритании имеет наибольший опыт революционной борьбы и государственного строительства, в том числе и военного. Это налагает на него большие обязанности, но не дает ему больших прав. Все другие национальности союза, угнетавшиеся ранее царизмом и буржуазией, охотно принимают и будут принимать товарищеское содействие великорусского пролетариата, его идейную и материальную помощь, его советы и указания. Но они не хотят великорусской команды. Даже оттенок команды раздражает, ибо напоминает о совсем еще недавнем угнетении. Если это верно в отношении государственного аппарата вообще, то это в сто раз резче проявляется на армии. Малейшая фальшь, малейшее неравенство, малейшее нарушение товарищеских отношений и взаимного доверия в отношениях между армией и ее частями, с одной стороны, и национальными частями Советского союза, с другой, имели бы гибельный характер. Это совершенно ясно, если подойти к делу даже только с точки зрения военной обороны. Великорусское ядро союза окружено почти-что замкнутым кольцом национальных республик, советских и не-советских, образовавшихся на территории бывшей «единой и неделимой», которая и погибла отчасти потому, что упорствовала в единости и неделимости. Возможная внешняя угроза будет, следовательно, уже в силу логики географического положения направлена, прежде всего, на периферические национальные республики и области Советского союза. Если бы между народными массами национальных республик и Красной армией установилась отчужденность,—мы уже не говорим о враждебности,—оборона стала бы невозможной, и Красная армия начала бы морально гнить от периферии к центру. Мы видели это во время империалист-

ской войны на опыте Австро-Венгрии и параллельно— на опыте царской России. Тут одного советского переименования и переряживания, на что надеются некоторые тупицы и карьеристы, совершенно недостаточно: нужны радикальнейшие изменения самой сущности отношений и связей. Какой же к этому путь?

Во-первых, нужно теперь же приступить к подготовке условий для создания национальных частей и армий. На этом пути стоят бесспорно большие трудности, корнящиеся в различных хозяйственного и культурного уровня разных частей Советского союза, в сложном иногда переплете национальных группировок внутри отдельных республик и, наконец, в отсутствии у некоторых национальностей какой бы то ни было военной подготовки в прошлом. Через эти затруднения перескочить нельзя. Но нужно их систематически преодолевать. Нужно начать с правильной сети военно-учебных заведений, вполне приспособленных к национальным и местным условиям и способных в плановом порядке обеспечить будущие национальные войска вполне подготовленными кадрами. Одновременно надо, отказавшись от шаблона, тщательно изучать условия и формы привлечения туземного населения к несению воинской повинности. Незачем говорить, что эта работа должна производиться не через головы национальных республик, а в теснейшем контакте с ними и через посредство их государственного и партийного аппарата. В частности, Революционный Военный Совет Республики должен превратиться в Революционный Военный Совет Союза Советских Социалистических Республик—и не только по имени, но и по существу, т.е. по составу и по методам работы. Развитие милиционной системы даст возможность обеспечить подлинную и неразрывную связь армии с населением во всем его национальном многообразии.

Но это процесс длительный. Параллельно должна идти напряженная работа по воспитанию, довоспитанию и перевоспитанию нынешней Красной армии, по развитию у нее ясного сознания того, что она является вооруженной силой Союза национальных и автономных республик. Надо систематически, настойчиво, твердо, неутомимо, — а где нужно, и беспощадно, — изгонять национальные предрассудки, наследие шовинизма, высокомерия, великодержавничества. Надо, чтобы части Красной армии, и прежде всего, их политический и командный состав, знали характер, особенности и историю тех национальностей, в среде которых они размещены. Военная централизация, поскольку она вытекает из неотвратимых потребностей военного дела, должна проводиться так, чтобы местное население и, прежде всего, его руководящие слои ясно понимали деловую необходимость централизации. А для этого нужно, чтобы само военное ведомство отдавало себе отчет в допустимых пределах централизации. Всякие административные излишества надо беспощадно изгонять; всякие остатки аракчеевщины, хотя бы самой «советской», даже «коммунистической», надо выжигать железом, накаленным до-бела. Под этим углом зрения необходимо произвести серьезнейшую чистку военного аппарата в национальных республиках, изгоняя щедринских ташкентцев и их духовных сынков. Военные администраторы, комиссары, командиры, которые проявили злую волю в национальном вопросе, должны, после соответственного разбирательства и гласного суда, изгоняться из Красной армии с волчьим паспортом. Наша армия — великая революционная школа. Она должна стать школой также и в национальном вопросе. Другими словами, она должна изо дня в день, на практике, учить, как трудящимся разных национальностей общими усилиями дружно, без столкновений и перебоев, строить здание социализма.

Возможные наши враги сильнее нас техникой. Это свое капитальное преимущество они сохранят еще на годы (если они продержатся еще годы). Мы, как уже сказано, сделаем все для того, чтобы уменьшить существующее в этой области неравенство. Но как ни важна машина, решает в последнем счете человек—тот самый, который эту машину строит и ею управляют. Здесь перевес окончательно и полностью за нами. Мы приступили к переводу части нашей армии на положение территориальной милиции. Из рабочих, не прерывающих работы на заводе, из крестьян, продолжающих обрабатывать землю, мы строим дивизии, способные в любой момент сняться с места и, бок-о-бок с полевыми дивизиями, принять или дать бой. Два года тому назад мы не могли еще решиться на такой опыт. Ныне мы приступаем к нему с полной политической уверенностью, нисколько, разумеется, не закрывая глаз на организационные трудности, которые предстоит еще преодолеть. Через два—три года наши милиционные опыты займут виднейшее, может быть, решающее место в обороне страны. Ни одна из крупных капиталистических стран Европы не решится на такой шаг, так как правящий класс рисковал бы при этом создать армию против себя.—еще меньше сможет буржуазия решиться на это через два—три—пять лет, ибо углубление классовых противоречий в буржуазном мире идет своим чередом. Мы же становимся сильнее. Вот почему мы с твердой уверенностью встречаем грядущий день. Армия состоит из человека и из машины. Насчет машины *они* сильнее, но по части человека сильнее *мы*, —а в последнем счете решает человек.

VI.

Орудие будущего.

К неделе воздушного флота.

Накануне великой империалистической бойни авиация едва вышла из стадии первых экспериментов и полетов напоказ. Мощное развитие авиации целиком совпадает с годами войны. К концу ее авиация достигает уже повсюду поразительного расцвета. Можно сказать, что последняя война, взятая в целом, почти не использовала авиации, а только создала ее. Если бы, при нынешнем состоянии авиационной техники, начать сначала, т. е. с июля 1914 года, весь ход военных операций был бы иной. В этом смысле авиация целиком—орудие будущего.

Но не только в этом. Хозяйственная и культурная служба воздушного флота едва лишь успела наметиться. Правда, уже сейчас, по первой спешной наметке, видно, что культурное значение авиации необозримо, но практически оно еще целиком впереди.

Типы аэропланов сменяют друг друга чрезвычайно часто. Летательные аппараты «морально изнашиваются», по выражению Маркса, несравненно быстрее, чем морские суда, паровозы и даже автомобили: это свидетельствует о том, что авиационная техника еще не вышла из эпохи юношеского беснования. Самолет не достиг еще той гармонии между задачей и техническими средствами, того

внутреннего равновесия механизма, которые обеспечивали обыкновенно каждой машине известный период зрелой устойчивости: осуществленный «идеальный» тип машины, как свидетельствует история техники, деспотически господствует над воображением изобретателей, — изменения и усовершенствования касаются разве лишь второстепенных деталей, — до тех пор, пока какое-нибудь новое открытие или изобретение, побочного происхождения, не нарушит одним ударом самодовольного равновесия. Авиация — орудие будущего и в том отношении, что «идеальный» тип ее аппарата еще впереди.

Для нас, для технически и экономически отсталой страны, это не минус, а плюс: если своевременно, пользуясь всеми преимуществами централизованного социалистического государства, возьмемся за дело, то сможем в авиационной области победить нашу отсталость раньше, чем во многих других областях. Для автомобилей, легковых и грузовых, нужны «культурные», то-есть шоссейные дороги, — а их у нас мало, и они плохи. Воздушные же наши пути не хуже американских, — только пользуйся. Нужно, однако, не выжидать законченных плодов извне, а самим во-время включаться в цепь развития: строить самолеты, совершенствовать их, приспособлять к нашим климатическим и иным условиям, самостоятельно перерабатывать технический, боевой, транспортный и пр. опыт авиации всего мира, производить непрерывный отбор летного человеческого материала, воспитывать его, обучать и совершенствовать, — словом, обеспечить непрерывность авиационного творчества во всех его разветвлениях.

Однако, прежде, чем вознестись за облака, авиация должна плотно прикоснуться к земле, то-есть к *массе*. Этой цели и будет служить в первую голову неделя авиации. Нужно, чтобы труженик города и деревни подошел ближе к самолету, обозрел его, понял его, т.-е. уви-

дел в нем великое орудие будущего, *свое* орудие,—иначе самолет раньше или позже оказался бы целиком направлен против него.

Авиация есть новое орудие, и именно эта новизна ее, необычность, чудесность является одним из немаловажных условий ее военного действия. Известно, что англичане широко применяют авиацию, даже без связи с сухопутными войсками, для усмирения колониальных восстаний в Азии и Африке. Самолет, как орудие психического террора, выполняет поручение господ рабовладельцев, прежде, чем успеет обнаружить на деле свои боевые качества. Но не только в колониях,—и у нас, на нашем севере, который они пытались превратить в колонию, англичане не без успеха пользовались авиацией для терроризования и деморализации неопытных, плохо сколоченных и незнакомых с авиацией пехотных частей. Спускаясь низко и треща пулеметом, летчики Черчилля-Чайковского сеяли нередко убийственную панику в наших отрядах. Почему? Потому, что красноармейцы не знали самолета, ни свойств его, ни района действия, ни силы его, ни слабости.

Легковой автомобиль, какой-нибудь «Форд»,—самая безобидная машина. Но если в'ехать на нем на площадь сельской ярмарки, с пыхтением и рычанием, то можно вызвать величайшую катастрофу: завидев и услышав штампованное чудовище, толще деревенские лошаденки совершают невероятные прыжки, телеги спихаются одна с другой, опрокидываются, горшки превращаются в черенки, люди понадают под колеса и под копыта. Между тем, на улицах Лондона и даже Москвы городская лошадь при приближении автомобиля не ведет и ухом. Для того, чтобы неприятельская авиация не оказалась в момент столкновения окруженной ореолом мистической силы, то-есть не могла сеять панику, нужно в мирное время сблизить армию во всей ее толще с авиацией, по-

роднить авиацию со всеми частями армии и родами оружия. Приучение красноармейца, вплоть до кашевара пехотного полка, к самолету должно войти составной частью в обучение и воспитание армии. Тем более, командному составу, от низшего до высшего, нужно стать ближе к авиации, чтобы во время войны точно знать, чего можно ждать от нее и чего требовать. А это не всегда наблюдалось. И хорошие часы откажутся служить, если попытаться вколачивать ими гвозди. Нужно знать употребление часов, прежде, чем класть их в жилетный карман, и даже весьма не вредно знать устройство внутреннего их механизма.

Но дело идет не только об армии. Авиация есть род оружия с наиболее универсальной сферой действия. Самолеты отрываются от базы на много и много сотен верст, залетают глубоко в неприятельский тыл, разрушают железнодорожные пути, ангары, электрические станции, совершают налеты на города, внося в них разрушение, смерть и панику. Если все другие роды оружия и технические средства направлены исключительно или преимущественно против неприятельской армии, то авиация не в меньшей мере направлена против мирного населения. Помимо прямых разрушительных действий, авиация имеет при этом своей задачей дьявольскую игру на нервах тыла,—с целью утратить, утомить, деморализовать население и тем самым в корне подсесть силу сопротивления неприятельской армии! Устойчивость тыла против разрушающих влияний вражеской авиации будет, при прочих равных условиях, тем больше, чем ближе этот тыл знает авиацию и ее свойства. Нельзя позволять врагу умножать и без того грозную силу авиации на коэффициент мистического ужаса!

Особое и большое место занимает вопрос о летном персонале. Поэтами, говорят, люди рождаются. Но это относится в значительной мере и к летчикам. Нужно

особое сочетание психо-физических свойств, чтобы обеспечить авиатору уверенную работу в воздухе. Однако, и самые лучшие органические и психические предпосылки не создают еще боевого летчика без хорошей системы летного и общевойскового обучения. Необходимо поэтому, с одной стороны, пробудить и развить широкие интересы молодежи к авиации, а с другой стороны,—организовать тщательный научно-поставленный индивидуальный отбор. Функции авиаторов так ответственны, так сложны и многообразны, от летчика столь многое зависит в ходе военных операций, что армия и страна в праве требовать, чем дальше, тем больше, чтобы наши летчики были не просто военно-грамотными, а и военно-просвещенными людьми.

Нужно, вместе с тем, помнить, что уже самый процесс обучения авиации связан с опасностями, каких не знают в таком размере не только другие профессии, но и другие роды оружия. Необходимо поэтому обставить как можно более благоприятно работников воздушного флота. Если во всех областях военного дела, где человек сочетается с машиной, решает в последнем счете человек, то в авиации это очевиднее, чем где бы то ни было. Внимание к летному ученику! Внимание к летчику-мастеру воздушного цеха!

Военные теоретики не прочь поспорить на тему о том, какое место занимает авиация в общей механике обороны: является ли она одним из вспомогательно-технических средств армии и флота, или же, на ряду с сухопутной армией и морским флотом. — равноправной с ними силой воздушной стихии. Вопрос этот нельзя, однако, решать абстрактно. Все зависит от степени развития авиации и от того материального места, какое она успела занять в общей схеме вооруженных сил. Здесь тоже количество переходит в качество. Авиация начинает свою карьеру, как вспомогательное средство армии и флота.

Развиваясь, усложняясь, приучаясь действовать комбинированными средствами, она имеет тенденцию отслоиться от своей сухопутной или водной метрополии и занять равноправное с нею место в царстве воздуха. Она уже ставит себе самостоятельную задачу: господство над воздушной стихией. В Англии авиация выделена в особое министерство. И немудрено: самолет грозит нанести смертельный удар островной британской неприступности, на страже которой стоит всемогущий морской флот. Иное дело—СССР. Наше пространство, наш советский океан суши, делают нас гораздо менее уязвимыми для авиации, чем островная Англия, окруженная океаном воды. Неразрывная связь авиации с сухопутной армией имеет для нас, поэтому, и долго будет иметь, решающее значение. Под этим углом зрения будем строить военную авиацию и в этом духе ее воспитывать.

Авиация—все возрастающее в своем могуществе орудие империализма. Будем строить социалистическую авиацию. Империализм не отказался от мысли превратить нас в колонию. Будем строить авиацию, которая оградит нашу свободу, а может быть поможет и колониям вернуть себе независимость. Будем строить авиацию для хозяйственных, для культурных, для военных целей, авиацию трудящихся и угнетенных. Настойчиво и упорно будем вводить авиацию в обиход страны. Будем помнить: авиация—не забава и не одно из многих вспомогательных технических средств армии, авиация—великий инструмент будущего. К суше и к воде она присоединяет воздух, как новую величайшую арену человеческого творчества.

Работу авиационного строительства поведем не только энергично и дружно, но и планомерно, сразу вводя все повышающийся интерес масс к воздушному флоту и их самоотверженную помощь в каналы правильной организации. Военное ведомство в этой области уже не оди-

ноко. Бок-о-бок с ним работает Общество Друзей Aviации и Добровольный Воздушный Флот. Этот тройственный союз будет расти и крепнуть. Неделя воздушного флота свяжет его—через партию—с массой и откроет—мы не сомневаемся,—новую, вторую, более богатую главу в развитии советской авиации.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Армия и хозяйство	3
II. Наши преимущества и наша отсталость	8
III. Плановая работа.	12
IV. Бюджет, техника, снабжение	15
V. Красная армия и национальный вопрос	19
VI. Орудие будущего. К неделе воздушного флота	24

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ВОЕННО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВОЕННАЯ МЫСЛЬ И РЕВОЛЮЦИЯ.

Под общей редакцией:

С. С. Каменева, В. А. Антонова-Овсеенко, П. П. Лебедева, Д. А. Петровского, В. П. Полонского и К. В. Скерского.

Журнал выходит ежемесячными выпусками, объемом 15—20 печ. листов каждый, между 1 и 15 числом каждого месяца.

Постоянные отделы в журнале: военно-политический, стратегия и тактики, военной истории, воздушного флота, военно-химический, артиллерии, военно-экономический, военно-морской, военно-инженерный. Военная жизнь Союза Советских Республик, военная жизнь за границей. Библиография.

Подписка плата с доставкой в 1923 г.:

на 8 месяцев—5 руб. золотом.

„ 4 месяца—3 руб. „

Цена отдельного номера 80 коп. золотом.

По курсу котировальной комиссии на день подписки.

На иные сроки подписка не принимается.

Подписавшиеся на журнал „Военный Вестник“ при подписке на журнал „Военная Мысль и Революция“ пользуются скидкой в 20%.

Адрес редакции: Москва, Денежный, 11, тел. 6-50, доб. 4-59.

Прием у редактора по понедельникам, средам и пятницам от 14 до 17 час.

Открыт прием объявлений.

1 стр.—10 червонцев.; $\frac{1}{2}$ стр.—6 черв.; $\frac{1}{4}$ стр.—4 черв.

Текущий счет в конторе Госбанка № 5281 в червонцах.

Со всеми вопросами подписки и объявлений обращаться непосредственно в контору журнала.

Высший Военный Редакционный Совет.

(Москва, Смоленский бульв., 53).

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИЗДАНИЯ.

ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ

ПРИКАЗ Р.В.С.Р. № 279, 1923 г.

==== к пятилетию Красной Армии ====

Обложка и иллюстрации (в 6 красок) работы художника Ю. П. АННЕНКОВА.

ПЕЧАТАЕТСЯ

Портрет тов. Л. Д. ТРОЦКОГО.

==== Работы художника Ю. П. АННЕНКОВА ====

Фототипия.

СПОРТИВНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Поступила в продажу книга:

Г. БЕЗАК.

Физическое воспитание, 32 стр.

Принята в В. У. З. как инструкция по физическому воспитанию.

Печатается:

„ГИМНАСТИКА“.

Богато иллюстрированное издание (245 рис.), разработанное Высшим Советом Физической Культуры. Подробные методологические указания для руководителей обучением гимнастике.

Готовится к изданию серия книг по спорту.

Вслед за трудом „Гимнастика“ поступят в печать труды по легкой атлетике, гребле, лыжному и конькобежному спорту и пр. Все труды прошли через Редакцию Высшего Совета Физич. Культуры.

ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ В ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ.

При покупке не менее 10 экз. — скидка 20%, при покупке не менее 50 экз. воинскими частями и учреждениями, расположенными вне Москвы, — скидка 30%.

1р.

Т

ВЫСШИЙ
ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ
С О В Е Т.
МОСКВА
1928 г.
